

XVI

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ

ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Синодальная
библиотека

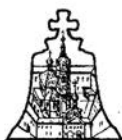
Москва
2008

XVI

МЕЖДУНАРОДНЫЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЧТЕНИЯ

**ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В ШКОЛЕ:
ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ**

Сборник материалов и документов

Москва
Синодальная библиотека
2008

Протоиерей Борис ДАНИЛЕНКО
*директор Синодальной библиотеки
Московского Патриархата*

Православная традиция и современные реалии в российской школе XXI века

Люди истинно благочестивые и любомудрые должны уважать и любить только истину и отказываться от последования мнениям предков, когда они худы: такова обязанность, внушаемая разумом.

Святой мученик Иустин Философ¹

Всякий раз, когда речь заходит о преемственности и инновациях в образовании, возникает необходимость отделить то, что стало «классическим наследием», «нашим богатством» от того, что относится к разряду «предрассудков и пережитков прошлого»². Сделать это иногда сложно, а иногда почти невозможно. Однако когда приходится говорить о встрече современной российской школы с православной традицией, все мы — педагоги, пастыри и родители понимаем, что этой трудной теме нам не миновать.

Исторический путь, проделанный отечественной школой до известной даты, ознаменованной началом реализации плана по разрушению до основания «мира насилия» и строительством «нового мира», всегда был связан с принципами евангельского учения. Сами понятия книжности и школы на Руси, так же как и во всем славянском мире, были сопряжены с распространением христианства. Становление принципов отечественной педагогики и народного просвещения происходило в соработничестве школы и церкви. Образовательная практика дореволюционной России основывалась на возможности

¹ Святого Иустина Апология I, представленная в пользу христиан Антонию Благочестивому // Антология: Раннехристианские отцы Церкви. — Брюссель: Издательство «Жизнь с Богом», 1978. — С. 272.

² Одному из блистательных мыслителей ушедшего века Григорию Лапдау принадлежит лаконичное высказывание по этому поводу: «Мусор должен быть или выметен, или — сделан реликвией». См.: *Лапдау Г. А. Эпиграфы*: (Берлин, 1927 — Париж, 1930) / Редакция и послесловие Федора Полякова. — М.: Пробел, 1997. — С. 7.

получения основных знаний в системе церковных начальных школ. В XIX веке дело дошло до жарких дискуссий по поводу того, кому же должны они подчиняться — Министерству народного просвещения или Ведомству православного исповедания.

Вместе с тем, становление духовной школы (вплоть до высшего ее звена — Академии) в России по времени опередило становление профессиональных военной и статской школ. Среднее ее звено (духовная семинария) на протяжении многих десятилетий давало отечеству людей, способных заниматься интеллектуальным трудом в самых различных сферах, в том числе и образовательной.

Мы не склонны идеализировать дореволюционную образовательную систему в целом. При высочайшем уровне высшей профессиональной школы, а также среднего гимназического и реального образования, царская Россия так и не смогла добиться всеобщей грамотности, за исключением успехов на этом поприще на территории отдельных губерний (например, в Финляндии). Образованность для гражданина Российской империи в начале XX века оставалась, как правило, сословной привилегией. Однако следует заметить, что многие современные исследователи связывают массовую народную безграмотность в России как раз с отсутствием должного христианского образования, основой которого является изучение библейского текста, в чем преуспел к этому времени протестантский мир.

Первые годы советской власти были ознаменованы призывами «всеобуча» на борьбу с безграмотностью. Закрепленный законодательно разрыв школы и церкви не помешал поначалу новой власти опираться в деле образования на старые кадры, в том числе на выпускников духовных академий и семинарий.

Репрессии 20-х и 30-х годов прошлого века коснулись представителей различных сословий дореволюционной России. Сейчас много говорится о массовых казнях русского православного духовенства, но при этом, как правило, забывают о том, что истребляя клириков, как носителей чуждой идеологии, представители советской репрессивной машины губили и отечественную школу. Дело в том, что до 1917 года служение алтарю Господню и преподавание в народной школе осуществлялось зачастую выходцами из одних и тех же семей. Именно «братья и сестры», и в данном случае это не гомилетический оборот речи, учили и в храме, и в школе.

«Колокольное дворянство», — как шутливо именовали себя сами выходцы из духовного сословия дореволюционной России, было

той частью русской интеллигенции, которая была ближе всего к простому люду, в первую очередь к деревенскому. Сельский священник, так же как и сельский учитель, прекрасно знал жизнь российской глубинки, так как сам в ней вырос, от нее напитался живительными соками любви к Отечеству. Он не воспринимался своими прихожанами-односельчанами как чужак. Не только «пастырское душепечение» в собственном смысле составляло круг его обязанностей. К нему шли не только за духовным наставлением — часто требовалась помощь в житейских коллизиях, практический совет, материальная поддержка. Наименование священника у нас в России «батюшкой» было, пожалуй, не просто оправдано многовековым служением русского православного духовенства своему народу, но и являлось высокой наградой за его отеческую самоотверженность.

Между тем разрушение многовековых российских устоев к середине 30-х годов принесло недобрые плоды. Новое поколение, выросшее при советской власти, уже не знало религиозного воспитания, а образовывалось на принципах, чуждых религиозному мировосприятию. Именно тогда наука была противопоставлена религии, а повсеместное разрушение православных храмов было призвано на семантическом уровне свидетельствовать о победе материализма. В массовом сознании укоренилась синонимическая пара «материалистическое — научное».

Нематериалистическая наука чаще всего отрицалась как несуществующая, в лучшем случае ей разрешалось называться «буржуазной наукой». Говорить о христианской науке и тем более о науке православной уже не приходилось. Все эти идеологические ограничения, конечно, сразу же отразились на жизни и состоянии отечественной школы. Но изменить российскую образовательную систему для размещения в ней «нового социального заказа» можно было, только изменив ее кадровый состав. До некоторых пор школьными учителями в России были в основном мужчины.

Можно со всей определенностью отметить начавшуюся в середине 30-х годов феминизацию учительского состава советской школы. Правда, в наше время мало кто задумывается над тем, почему тяжелая профессия школьного учителя в советской России сделалась женской.

Статистика репрессий на территории ряда северных областей европейской части России убеждает нас в том, что в 20-е и 30-е годы прошедшего века государственными органами велось целенаправленное

истребление сельской интеллигенции, представленной в подавляющем большинстве детьми православного духовенства³. При этом в первую очередь уничтожались священнослужители и школьные учителя мужского пола, то есть те, кто пользовался в силу традиционного уклада русского севера особым доверием у простого люда. Для нас эта кровавая страница российской истории является одним из неоспоримых свидетельств общности школы и церкви в отечественной традиции.

Школьники, как известно, способны задавать своим родителям и учителям трудные вопросы. Целую группу таких вопросов можно свести к одному: «Почему скелеты полуразрушенных православных храмов можно в изобилии встретить у нас в российской глубинке и неподалеку от столицы — на Смоленщине, Вологодчине или в Подмоскovie, но не найти подобных «артефактов» на земле Баварии, Богемии или Фландрии?» На этот «российский вопрос» нельзя дать ответ без учета всего, что было сказано выше. И, наверное, нам, взрослым гражданам России должно быть стыдно перед детьми за наше видимое поправление той связи школы и церкви, которая представляется очевидной на путях отечественной истории.

В свое время академик Б. А. Рыбаков, утверждавший на протяжении многих лет, что «Слово о полку Игореве» начисто лишено христианских аллюзий и контаминаций, автором его является язычник, а не православный человек⁴, не находил каких-либо оппонентов из числа своих советских коллег. Правда, уже в период празднования 1000-летия крещения Руси молчаливое «табу» на полемику по этому вопросу было снято. «Перестройка» принесла первые мировоззренческие плоды. Вспомнили о «Богородице Пирогощей» и о многих других местах «Слова», указывающих на реалии православной жизни в Киевской Руси XII века.

К сожалению, не наши соотечественники, а известный немецкий славист Лудольф Мюллер⁵ первым указал на неправильность суждений видного представителя советской исторической науки, который,

³ Особо убедительно это показано на примере Вологодской области в материалах собранных и обобщенных полковником В. А. Наволоцким.

⁴ См. например: *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. — М.: Наука, 1993. — С. 584; *Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки.* — М.: Издательство Московского университета, 1984. — С. 123.

⁵ *Мюллер Лудольф.* «Слово о полку Игореве» — произведение языческое или христианское? // Тысячелетие крещения Руси: Международная церковная научная конференция «Богословие и духовность»; Москва, 11-18 мая 1987 года. — М.: Издание Московской Патриархии, 1989. — С. 270-272.

к слову сказать, когда-то был послушником в одном из православных монастырей... Мы сейчас говорим о ситуации с «самым любимым светским произведением древнерусской литературы» неслучайно. Ведь вся эта история является своеобразной парадигмой для происходящего сегодня в российской школе. Попытка представить юным россиянам русскую литературу в целом, как явление, не только существующее, но и возникшее вне православного контекста, дает результаты в виде целого ряда учебников, допущенных к использованию в общеобразовательной школе. Чего стоит хотя бы гирлянда учебных пособий по литературе, подготовленных в рамках программы «Школа XXI века» Е. В. и Р. Н. Бунеевыми⁶?

Трудно поверить, что авторы подобных пособий действуют в соответствии со своими научными убеждениями, а не пытаются вполне сознательно завуалировать истинное положение дел, создать у учащихся ложное представление о духовном фундаменте нашей национальной культуры, руководствуясь мотивами, о которых мы, непосвященные, можем лишь предполагать. Неужели, как в случае с академиком Б. А. Рыбаковым, нужен голос представителей мирового научного сообщества для отрезвления тех, кого в образовательной системе современной России устраивает такое положение дел, или все же отечественное сообщество педагогов способно разобраться с этой ситуацией своими силами?

В сегодняшней России действует одна из лучших в мире систем музыкального образования. От первых классов детских музыкальных школ до последних курсов консерваторий на основании самых действенных методик, апробированных временем, ведется подготовка музыкантов, которые впоследствии становятся способными завоевать мировое признание, стяжав тем самым честь и славу России. Но вот для жизни сегодняшней российской общеобразовательной школы это не имеет особого значения. Есть в ней такой учебный предмет — «Музыка».

Трудно сказать, чему учат детей на уроках в рамках этого предмета. Но со всей определенностью можно заметить, что на них не учат основам музыкальной грамоты и гармонии, не прививают навыков к практическому музицированию, как сольному, так и в ансам-

⁶ См., например, некоторые из этих пособий: *Бунеев Р. Н., Бунеева Е. В.* Литература. 6-й класс. («Год после детства»). Учебник в 2-х книгах. — Изд. 2-е, испр. — М.: Баласс, 2006; *Путь к станции «Я».* Учебник по литературе для 7-го класса в 2 книгах. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Баласс, 2005.

бле, и, что совсем удивительно, даже не пытаются научить ребенка хоть немного петь. Но средства на этот предмет выделяются весьма значительные — пишутся методические руководства, учебные пособия, ведется подготовка (точнее переподготовка) преподавателей, в чьих вузовских дипломах в качестве основной специальности стоят отнюдь не музыкальные дисциплины. Беда в том, что всем этим занимаются люди, не имеющие прямого отношения к музыкально-педагогической традиции.

Вы, наверное, догадываетесь, что не Родион Щедрин, не Валерий Гергиев, и даже не Святослав Бэлза пишут учебники «по музыке»⁷ для обыкновенных мальчиков и девочек, заполняющих классы общеобразовательных школ. Их пишут совсем другие люди, о заслугах которых на музыкальном, впрочем, как и на педагогическом поприще, нам ничего неизвестно. Хочется вспомнить возмущение спикера Совета Федерации по поводу неспособности исполнить сенаторами Гимн России на открытии осенней сессии истекающего года⁸. Очевидно, невдомек Сергею Миронову, что наши государственные мужи испытывали затруднения не только из-за незнания слов Гимна, но его мелодии. Следует заметить, что учиться петь хорошо, как, впрочем, и получать знания в некоторых областях, а также приобретать некоторые навыки или, как теперь принято говорить, «компетенции», лучше всего именно в школьные годы. И без школы, как в широком, так и в узком смысле этого слова, тут не обойтись.

Мы говорим об этом не потому, что в русской школе до известного времени хоровым пением занимались весьма серьезно, а потому, что есть опасения, не лишённые оснований, что по такой же схеме может осуществляться «внедрение» духовно-нравственной культуры, как

⁷ Один из таких примеров — учебник «Музыка» для 5-го класса общеобразовательных учебных заведений (авторы — Т. И. Науменко и В. В. Алеев; М.: Дрофа, 2001). На его страницах — их всего 224 — в качестве музыкальных примеров приведены более 60-ти отрывков клавирных переложений фрагментов опер, вокальных и хоровых произведений, которые трудно воспроизвести даже выпускнику детской музыкальной школы по классу фортепиано. Между тем дети, обучающиеся по этому пособию, не изучали в своей школе даже основ нотной грамоты. Зато разговоров о музыке «вообще», представляющих пародию на методику и учебные программы Д. Б. Кабалевского, на страницах учебника предостаточно. В московских школах уроки музыки по этому учебнику ведут педагоги в большинстве случаев не имеющие музыкального образования.

⁸ 19 сентября 2007 года.

образовательной области в рамках стандарта общего среднего образования нового поколения.

Справедливо спросить — на чем же эти опасения зиждутся? Попытаемся ответить.

Недавно под грифом Российской академии образования была опубликована брошюра, озаглавленная «Концепция образовательной программы «Духовно-нравственная культура»⁹. Ее автор А. Я. Данилюк — член-корреспондент РАО, из чего следует, что появление такой публикация не относится к событиям случайным.

С величайшим интересом мы приступили к изучению текста этой брошюры, ведь о необходимости сотрудничества с Церковью в деле разработки новой образовательной области, неоднократно говорилось и представителями РАО и руководством Минобрнауки России. Очень скоро, буквально в самом начале брошюры, мы обнаружили такой абзац:

«Православие — это религия сердца, а не ума, оно отдает приоритет спасению души, оно всегда с недоверием относилось к книжной учености и человеческой мудрости. Воспитание новых поколений россиян в православном духе преумножит в их сознании ценности образования и науки»¹⁰.

Для человека, которого учили с детства с уважением относиться к чужим взглядам, остается одно — сказать, что написанное автором брошюры есть ложь и является грубейшим искажением смысла Православия.

В рамках этого краткого выступления мы не собираемся анализировать всего того, что написано в упомянутом издании. Если потребуется, это будет сделано отдельно. Скажем лишь, что у всякого здравомыслящего человека, независимо от его религиозных взглядов, утверждение автора «объем учебного времени, отводимого на изучение той или иной религии, должен соответствовать ее реальному вкладу в культурно-историческое развитие российской цивилизации»¹¹ вызывает вопрос: «А каким образом этот «вклад» можно измерить?».

Что же касается верующих людей, то заявление о том, что «преподавание в рамках регионального (национально-регионального) компонента таких предметов, как «Основы православной культуры»,

⁹ Данилюк А. Я. Концепция образовательной программы «Духовно-нравственная культура» (1-11 класс общеобразовательной школы). М., 2007. — 20 с.

¹⁰ Там же. — С. 5.

¹¹ Там же. — С. 13.

«Основ исламской культуры», «Основ буддийской культуры» формирует разные религиозно-культурные идентичности, вступающие к тому же в конфликт (не друг с другом, как можно было бы предположить! — Б. Д.) с научным мировоззрением школьников, учителей и родителей»¹², не только покажется оскорбительным, но и вызовет у них целый ряд справедливых возражений.

Действительно, в современной России живет много людей, которые плохо разбираются в вопросах, связанных с религией. Некоторые из них не знают почти ничего о Православии или имеют о нем самые искаженные представления. Кроме того, немалое число граждан России считают несовместимыми религиозные и научные взгляды.

Хочется спросить — почему из числа именно этих людей выдвигаются «специалисты» в вопросах духовно-нравственной и религиозной культуры, подобные автору упомянутой нами брошюры. Какая таинственная сила влечет их на неведомое им поприще? В чем скрыт невидимый механизм, заставляющий говорить их о совершенно неизвестных им вещах? Ведь среда, генерирующая предубеждения и мировоззренческие клише, выработанные в эпоху безбожия и воинствующего атеизма, казалось бы, потеряла свою питательность.

Во всех областях научной и культурной деятельности современной России трудятся люди, стоящие на самых различных мировоззренческих и религиозных позициях. Среди них немало православных людей, чьи знания и заслуги признаны современниками и не нуждаются в регулярном подтверждении. Они, являясь частью православного сообщества, чадами Церкви Христовой, совмещают религиозное и научное мировоззрение и в своем профессиональном служении и в своей повседневной жизни. Среди них врачи, педагоги, инженеры, литераторы, ученые естественники и гуманитарии, художники и музыканты, военные. Все они хотят, чтобы российская школа в начавшемся тысячелетии учла свои прежние ошибки, результаты которых испытали на себе многие из нас, а все лучшее, что было в ее практике на протяжении столетий, использовала бы с максимальной эффективностью.

Для православного сообщества современной России представляется желательным сотрудничество школы и Церкви и в деле образо-

¹² Там же. — С. 9.

вания, и в деле воспитания. Именно в этой связи следует заметить, что факт наличия отечественной богословской и церковно-исторической науки, являясь всемирно признанным еще с середины XIX века, не требует доказательств.

Для православных граждан России очевидно, что многообразную работу, связанную с подготовкой школьных курсов православной культуры, не смогут выполнить на достойном уровне «привлеченные лица».

Мы не собираемся свое право обращаться к сидящим за школьной партой и принадлежащим к различным религиозным традициям детям, делегировать лицам, пытающимся с высоты «лжеименного разума», рядящегося в одежды так называемой «объективной науки», говорить о религиях вообще или сравнивать их между собой. Мы хотим говорить в школе о православной культуре. Эта задача в нашей стране стоит перед Русской Православной Церковью и, как нам представляется для ее решения сегодня имеется достаточный интеллектуальный потенциал.

Памятуя слова выдающегося отечественного ученого-богослова Н. Н. Глубоковского о том, что «светильник богословского ведения достоин сиять не в затворе сословности, но в святилище высшего общечеловеческого знания»¹³, постараемся, вопреки предрассудкам, дать юным россиянам возможность увидеть его неискаженный свет еще *в начале жизни*.

¹³ Глубоковский Н. Н. Академические обеты и заветы: Из академических уроков за 1891-1918 учебные годы; Из автобиографических записок; Обращение к выпускникам, учащимся и наставникам Вологодской духовной семинарии / Под общей редакцией протоиерея Бориса Даниленко и иеромонаха Петра (Еремеева). — М.: Сергиев Посад: Синодальная библиотека Московского Патриархата, 2005. — С. 40.